

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 069.4

Д.В. Загоскин, К.Н. Ширко

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ В МУЗЕЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Определены институциональные условия фальсификации истории, показаны возможности для запуска практики фальсификации истории в музейном деле. Сформулированы общие признаки практики фальсификации истории. Апробирована гипотеза об интеграции музея в социум по сценарию монополии стейкхолдера как важном факторе развития практик фальсификации истории. На материалах истории отечественного музейного дела 1920–1930-х гг. описаны прецеденты фальсификации истории, навязанной Томскому краеведческому музею государственно-партийной монополией, на материале архивных документов зафиксировано совпадение этого навязывания с активизацией ресурсного обеспечения музейной деятельности со стороны государственно-партийной монополии.

Ключевые слова: фальсификация истории; музейные учреждения; условия фальсификации.

Термин «фальсификация» в различных сферах человеческой деятельности приобретает специфическое значение. Так, в философии он употребляется для обозначения процедуры проверки той или иной формы знания на научность [1. С. 34–45]. В правоведении и правоприменительной практике термин «фальсификация» используется в значении «подделка» – сознательная замена истинного ложным и подлинного – мнимым. Термином «фальсификация» определяются действия по неправильному подсчету голосов на выборах, подделке избирательных документов, бухгалтерских и иных отражающих экономическую деятельность документов, доказательств [2]. Также термином «фальсификация» обозначают изменение с корыстной целью качеств предметов сбыта в сторону их ухудшения при сохранении внешнего вида, а также подделанную вещь, выдаваемую за подлинную. В этих значениях термин «фальсификация» употребляется в сфере производства и торговли, а также в сфере оборота драгоценностей и антиквариата.

Применительно к историографии термин «фальсификация» имеет давнюю историю. Ранние примеры фальсификации относятся к Древнему Египту XIV–XIII вв. до н.э. – эпохе реформы Эхнатона и хетто-египетских войн. Уже тогда враждующие стороны выдвигали взаимоисключающие версии этих событий. Известны также крупные средневековые фальсификации, например, так называемый «Константинов дар» – подложный акт византийского императора Константина Великого о передаче верховной власти в Западной Римской империи римскому папе, датируемый якобы IV в. н.э., но изготовленный не ранее VIII в. н.э. Начиная с XI столетия этот подложный документ активно использовался Римской церковью для обоснования ее притязаний на сюзеренитет в христианском мире. Процессы возрастания роли общественного мнения в политике, экономике и обществе повели к возникновению ярких фальсификаций, имеющих целью прямое воздействие на общественное сознание (например, «Завещание Петра Великого» – геополитическая подделка XVIII столетия – и «Протоколы сионских мудрецов» – фальсификат начала XX в., оказавший серьезное влияние на сферу современной конспирологии).

В современной исторической науке принято следующее определение понятия фальсификации применительно к истории: «Фальсификация истории – ложное описание исторических событий в угоду предвзятой идее. Цели и мотивы исторических фальсификаций могут быть самыми разнообразными: закрепить за тем или иным народом историческое право на определенную территорию, обосновать легитимность правящей династии, обосновать правопреемство государства по отношению к тому или иному историческому предшественнику, “облагородить” процесс этногенеза и т.д.» [3]. При этом к методам фальсификации истории в обобщенном виде относят:

- «прямое измышление фактов и подделку документов»;

- «односторонний подбор и произвольное толкование фактов, в результате чего между фактами выстраиваются связи, в реальности отсутствующие, и делаются выводы, которые на основании полной картины сделать никак невозможно» [3].

Таким образом, можно сделать некое обобщение. Фальсифицирующая историю практика (включая практику музейной деятельности) должна обладать как минимум следующими устойчивыми признаками:

- наличие сознательного умысла (субъект фальсификации должен отдавать себе отчет в своих действиях);

- наличие в действиях субъекта прагматической составляющей (субъект фальсификации совершает осмысленные действия, направленные на извлечение понятной для себя выгоды);

- целенаправленный характер действий субъекта фальсификации (такой субъект всегда действует адресно и четко представляет себе проектируемый эффект своих действий, выражаемый, как правило, в приведении сознания объекта воздействия в нужное фальсификатору состояние, извлечение материальной выгоды в форме хищения ценностей или экономии средств в результате заведомого снижения качества производимых представлений путем подмен и искажений);

- некорректное обращение с первичными эмпирическими данными (оно может реализовываться в следующих разновидностях (одновременно или по отдельности) – прямая подмена всех видов первичных

данных, заведомо неполное представление имеющихся первичных данных, приписывание несвойственного смысла и значения определенной группе данных, построение между группами данных связей, не существующих в реальности).

Если это так, то музей (и как социокультурный институт, обеспечивающий значимые функции своего социума, и как производственная система, нацеленная на создание и трансляцию специфического информационно-смыслового продукта) не может иметь собственной мотивации к развитию практик фальсификации истории. Он возникает не столько как «проект» какого-либо консолидированного субъекта интересов, преследующего определенные прагматические цели и имеющего на это соответствующие умыслы, сколько как достаточно спонтанный ответ на потребности зрелого социума в сохранении материалов прошлого, имеющих важность для настоящего и будущего этого социума и накопленных в системе его наследия. Эта потребность проявляет себя на всех уровнях социальной системы – ее субъектами выступают «человечество в целом, конкретные общества (российское, французское, польское и т.д.), социальные группы, в частности этнические, и личности» [4. С. 13]. Потребности последних, очевидно, переводят общее ощущение необходимости сохранения накопившегося наследия на операциональный уровень. В силу этого начало истории большинства музейных учреждений связано с именами индивидов-основоположников или групп таких индивидов, развивающих эти учреждения на определенном этапе за счет собственного энтузиазма и реализующих свои собственные амбиции [5. С. 81].

В основе этих амбиций могут лежать увлечение искусством (вариант П.М. Третьякова и других), научные интересы (вариант Н.М. Мартянова и многих других) или престиж императорской фамилии, мотивировавший Александра III и Николая II на создание Русского музея. Важно, что в любом случае музеи возникают не как инструмент чьих-то деловых интересов, а как формат самовыражения (на персональном уровне социума), попадающий в такт вызревшей общественной потребности (на внеперсональных уровнях социальной системы). Это самовыражение не нуждается в умышленных и целенаправленных искажениях прошлого, поскольку не преследует целей, для достижения коих такие искажения имели бы смысл.

А вот развиваться в зрелые профессиональные формы на мотивации самовыражения музейное дело, по-видимому, не может. Как хозяйствующий субъект музей нуждается в инфраструктуре, дорогостоящей и в приобретении, и в эксплуатации, а следовательно – в регулярном поступлении ресурсов и средств. Как социокультурный институт он должен обладать четкой системой распределения функций, прав, обязанностей, а также зрелой системой распределения труда [4. С. 11]. Это, в свою очередь, требует глубокой профессионализации музейного дела, которая мало совместима с мотивами личного самовыражения и требует посвящать музейным занятиям все оплачиваемое рабочее время.

Именно поэтому «интенсивное развитие музея происходит при условии разносторонней поддержки государства или лиц, обладающих властью» [4. С. 8].

В этом смысле музейное дело практически ничем не отличается от других культурных производств. Его история в формате складывающегося сектора общенациональной отрасли культуры (вторая половина XIX – начало XX в.) развивается за счет общественных и частных финансовых пожертвований, достаточно скромных и нерегулярных. Только в первое десятилетие XX столетия возникают элементы системы государственных инвестиций в отрасль культуры и в частности в музейный сектор [6. С. 97]. Эта тенденция получит форсированное развитие после 1917 г., особенно с рубежа 1920–1930-х гг. Для организации музейного дела это означает переход от сообщества энтузиастов, мотивированных самовыражением и своим пониманием общественного блага, к системе регулярных учреждений, встроеной в деловые интересы субъектов, которые по отношению к ней являются внешними.

Это встраивание во внешние деловые интересы уже само по себе создает предпосылки для развития в музейном деле практик фальсификации истории. Цели и мотивации носителей этих интересов могут отстоять достаточно далеко от собственных целевых установок представителей музейного сообщества. Вместе с тем исторические данные свидетельствуют о том, что подчинение музеев указанным внешним интересам происходит не сразу. Даже в 1920-е гг. музеи сохраняют уровень автономии, позволяющий держать риски искажений производимых ими представлений на относительно невысоком уровне. Этот уровень характеризуется следующим:

- музеи располагают достаточно большой самостоятельностью в отношении политики комплектования фонда и могут осуществлять формирование ресурсной базы своей основной деятельности на принципах максимально возможной полноты, позволяющей отражать профильные объекты изучения и показа без серьезных искажений. Музеи в этот период стремятся, по словам М.Б. Шатилова, «зафиксировать былое, которое отходит в область преданий и познавать старое, чтобы творить новое» [7. С. 32];

- музеи, даже получившие в 1923 г. государственное финансирование в системе Главнауки, не были лишены альтернативных источников финансовых средств. В том же 1923 г. музейные учреждения получили право свободной реализации на антикварном рынке музейных предметов, не обладающих историко-художественным значением. С конца 1920-х гг. эта практика была монополизирована государством в лице Наркомата внешней торговли и Государственной конторы по скупке и продаже антиквариата с целью сбыта предметов за рубеж, а со второй половины 1930-х гг. – прекращена [8]. Существовала и практика выполнения заказов различных предприятий и органов власти на экспедиционные исследования и сборы предметов в целях их дальнейшей реализации. В частности, такие заказы в «Шатиловский период» (1920-е – начало 1930-х гг.) своей истории выполнял Томский краеведческий музей [9. С. 44–47];

- музеи в этот период располагали обширными горизонтальными социальными связями, группируя вокруг себя краеведческое движение и взаимодействуя с вузовской наукой; в это время существовало масштаб-

ное «дарительское» движение, включающее в себя как организации, так и частных лиц. Так, в Томском краеведческом музее в 1920-е гг. насчитывается 120 дарителей (характерно, что десятилетие спустя – почти в десять раз меньше – 14) [9. С. 49, 84].

В связи с этим государство как субъект, в чьи деловые интересы музея оказываются встроенными, может весьма ограниченно влиять на их производственную политику. Оно не располагает средствами, чтобы монополизировать источники финансирования музея и тем самым получить их полное подчинение в обмен на решение финансовых проблем. Государство не может жестко форматировать политику комплектования и изучения музейных фондов и тем самым в полной мере задавать готовые матрицы для производства исторических представлений. Оно до известной степени нуждается в музеях как субъектах экономической деятельности (производство знаний о значимых природных и трудовых ресурсах, сбор предметов для их последующей реализации), поэтому допускает самостоятельность в исследовательской политике.

Эта ситуация меняется в начале 1930-х гг. Особенно-стями вектора этих изменений являются монополизация источников финансирования при его общем увеличении и установление контроля за музейными производственными процессами. Характерные свидетельства этих перемен хранятся в документах обследования Томского краеведческого музея комиссией Томского городского комитета ВКП(б), которое проводилось в 1933 и 1935 гг. Обобщая эту информацию, можно отметить следующее:

- Томский горком ВКП(б) предъявляет претензии к политике комплектования фондов. Музей «является кунсткамерой», собирает совершенно ненужные предметы (буддийская коллекция, портреты Троцкого, Зиновьева и т.д.). Необходимо организовать чистку фондов и не представляющие ценности предметы передать в школы в качестве учебно-вспомогательного материала;

- музей неправильно показывает историю края; в экспозиции слабо представлена колониальная политика царизма в среде коренных народов Севера и не представлены в должной мере современные достижения социалистического строительства; не отмечена 50-летняя дата со дня смерти К. Маркса; не отражена роль указа Сталина о партийности в науке, затушевывается роль классовой борьбы; также в экспозиции упоминаются такие ненужные факты, как события 1917 г. до Октябрьской революции (представлены вырезки из журналов с фотографиями Керенского, фотографии похорон солдат и казаков, убитых летом 1917 г.);

- музей игнорирует указания руководящих органов, не участвует в движении ударничества, не организует социалистическое соревнование;

- финансирование музея хронически недостаточно и должно быть увеличено [10, 11].

Указанные документы наглядно иллюстрируют определенные тенденции в политике развития музейного дела в Томске. Эти тенденции сводятся к следующему:

- власть готова пойти на увеличение финансирования Томского краеведческого музея;

- при этом власть ставит под жесткий контроль практики комплектования и презентации музейных фондов – вплоть до полномочий решать, каким предметам в фондах быть и каким не быть;

- власть внятно формулирует образ истории края, который музей должен производить и транслировать, предлагает своего рода матрицы для «отливки» готовых исторических представлений;

- власть руководствуется не соображениями «фиксации того, что отходит в область преданий», с тем чтобы поставить его на службу «творения нового», а задачами укрепления своего влияния на сознание людей («обслуживание политики партии»);

- власть намерена регламентировать все производственные процессы в музее так же, как это делается повсюду («ударничество», «соцсоревнование» и т.д.).

По существу в рассмотренных документах Томский горком ВКП(б) прямо предписывает музею фильтрацию «ненужных» предметов, игнорирование определенных событий и персоналий, приписывание нужных значений и смыслов определенным явлениям истории. Другими словами – ориентирует музей на производство фальсификаций истории.

Итак, условиями для превращения музея в фальсификатора истории являются:

- выход музейного дела на зрелый уровень развития, требующий его профессионализации и регулярного поступления ресурсов и средств;

- встраивание музейного дела в систему деловых интересов неких внешних для него субъектов;

- монополизация этими субъектами источников финансирования музея;

- установление этими субъектами контроля за основными производственными процессами музея, прежде всего за комплектованием и изучением фондов.

Выполнение этих условий создает возможности для запуска практики фальсификации истории в музейном деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поппер К.* Логика и рост научного знания : избр. работы / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.Н. Садовского. М. : Прогресс, 1983.
2. *Уголовный кодекс Российской Федерации.* Ст. 195, 303.
3. *Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов* // Институт этнологии и антропологии РАН: официальный сайт. URL: http://www.iea.ras.ru/cntnt/levoe_meny/publikacii/bibliograf (дата обращения: 30.11.2012 г.).
4. *Акулич Е.М.* Музей как социокультурный институт : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Тюмень, 2004.
5. *Дукельский В.Ю.* Музейный социум // Музей и личность : сб. ст. / отв. ред. А.В. Лебедев. М. : Российский институт культурологи, 2007.
6. *Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока.* Т. 2: Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 2001.
7. *Шатилов М.Б.* Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Труды Томского краевого музея. Томск, 1927. Т. 1.
8. *Поправко Е.А.* Музееведение // Сайт цифровых учебно-методических материалов ВГУЭС. URL: <http://abc.vvsu.ru/Books/muzeebed/page0004.asp> (дата обращения: 01.12.2012).
9. *Григорьева С.Е.* История Томского областного краеведческого музея 1920–2000-е гг. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. С. 44–47.
10. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 303. Выводы по обследованию Томского краеведческого музея. Приложение к протоколу заседания бюро Томского горкома ВКП(б) № 91 от 28.04.1933 г.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 440. Постановление от 29.04.1935 г. «О состоянии работы Томского государственного музея».

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 января 2013 г.